
Восстание цивилизованных масс: чего ждать России от Запада

В.А. ШУПЕР

Политика стран Запада по отношению к России (и не только к ней) во все большей степени определяется не долгосрочными государственными интересами этих стран, а иррациональными эффектами восстания масс. Для России в ее нынешнем состоянии крайне опасно отделять свободу от ответственности, некритически воспринимая исходящие с Запада советы и образцы, ибо только историческая синхронизация позволяет оценить их приемлемость для нас на данном этапе. Опасным тенденциям к изоляционизму, набирающим силу в нашей стране, современные «западники» могут противопоставить только идеологию просвещенного патриотизма, основная идея которой — заимствовать на Западе те принципы, которым он был предан в прошлом и благодаря которым достиг выдающихся успехов, даже если сейчас он стал от них отходить.

Большинство моих французских коллег начисто утратило интерес ко мне в ходе второй чеченской войны, даже не зная о моем отношении к ней. Бывшая аспирантка прислала толстый пакет газетных материалов о нашей стране, и я поразился единомыслию, царящему во французской прессе. Не правда ли, все это нам до боли знакомо с советской поры? В те далекие времена Запад стремился к диалогу, а советская власть всеми силами старалась заменить его монологом своей пропаганды вкупе со всемерным ограничением контактов. Сейчас ситуация зеркальная — в демократических странах не желают знать не только нас, но тем более нашу точку зрения, хотя варваров можно цивилизовать только путем терпеливого диалога, если, разумеется, нет возможности сделать это огнем и мечом.

Для тех из нас, кто десятилетиями с надеждой смотрел на Запад, это стало переживанием великого интеллектуального предательства. Предательства не только нашей страны, трудно, медленно, непоследовательно, но все же продвигающейся от тоталитаризма к демократии, но, прежде всего — своих собственных идеалов. Речь вовсе не о двойных стандартах и не о том, что над нашими собственными правами и достоинством могут надругаться консульские службы любой цивили-

зованной страны – это уже давно стало общим местом. И даже не о том, что закономерные геополитические интересы США, ЕС и России совпадают, к сожалению, не во всем. Речь совсем о другом – о том, что политика западных стран в отношении России утратила последовательность и предсказуемость. Она больше не основана на простых, понятных и неуклонно проводимых принципах, каковыми раньше были долгосрочные государственные интересы. Объединенная Европа только говорит, что все ее действия определяются высшими гуманистическими ценностями, а на самом деле ведет себя как взбалмошная и слабовольная особа, даже не пытающаяся критически взглянуть на свою аргументацию, не лишенную изрядной доли фальши.

Разумеется, и сама Европа переживает сейчас период глубочайших изменений экономического, политического и идеологического характера, но не Россия тому виной. Внешняя же политика, бездумно продолжающая внутреннюю, а не служащая ей, в любом случае далеко не из самых прозорливых.

Автор этих строк всегда требовал масла вместо пушек и полагал наилучшим способом обеспечения национальной безопасности отказ от внешнеполитических авантур типа Карибского кризиса или вторжения в Афганистан. Теперь же очевидно всякому, не распрощавшемуся со здравым смыслом, что единственная гарантия того, что Москву не будут бомбить подобно Белграду в наказание за наши антигуманные действия в Чечне – это ядерный щит Родины. Трудно предположить, что мы когда-нибудь забудем этот урок. Еще труднее поверить, что наследники Ришелье, Бисмарка и Черчилля оказались настолько непрофессиональны, что не смогли ни предвидеть случившегося, ни даже осознать масштабы тектонических сдвигов в геополитическом положении России. Они подобны современным алхимикам, чье зелье позволяет им успешно воздействовать на массы. Но и у волшебников бывают промахи – то ли зелье не подошло, то ли время и дозы выбраны неудачно – и тогда массы бурным потоком устремляются к своим иррациональным целям, сметая все на своем пути, а демократические политики мелко семят, поспешая за своим электоратом.

Дело не в том, что мы идеализируем Запад, а в том, что мы слишком «рационализируем» его. Между тем Х. Ортега-и-Гассет еще в 1930 г. предупредил об опасности такого прекраснодушного рационализма, опубликовав классическое «Восстание масс», где и ввел понятие «человек-масса». Это средний человек, который чувствует себя как «все» и не переживает из-за этого. Будучи порождением цивилизации, он воспринимает все ее блага как само собой разумеющееся, естественно данное состояние. Он слишком ленив, чтобы утруждать себя критическим мышлением, да и не всегда способен к этому. Соответственно, он не стремится доказывать свою правоту и не желает признавать чужую. Он прав по определению, как часть массы. Разве современный экологический фундаментализм, насилие на международных экономических форумах или уличные буйства молодежи на родине прав человека – это не восстание масс, менее опасное, чем фашизм и большевизм, но не менее глупое и отвратительное? Разве прижизненный культ «Народной принцессы» и письмо 130 выдающихся интеллектуалов по поводу Чечни – не явления одного порядка? Народным массам нужна своя аристократия, будь то аристократия крови или духа, та, которая идет за ними и угождает им, а не высокомерно стремится вести за собой.

Вопрос не в том, следует ли нам оставаться учениками Запада – другого пути у нас просто нет, – а в том, сколь критично нам следует относиться к нему. Сле-

дует ли нам считать страны Запада олицетворением свободы и справедливости в той мере, в какой эти возвышенные идеи вообще могут иметь реальное воплощение в наше время, или нам следует разделить гражданские и политические права, признав свое позорное отставание во-первых и прискорбные упущения Запада во-вторых. Разногласия мнений по поводу Чечни в наших СМИ выгодно отличается от такого единодушия на Западе, какого не удавалось добиться в нашей стране даже во времена тотального глушения западных радиостанций. Массы, ставшие объектом бесчестного манипулирования, теперь сами раскручивают маховик, поддерживая свои СМИ спросом на совершенно определенную информацию.

При желании мы найдем и много других примеров, когда учиться у Запада явно не стоит. Степень цивилизованности измеряется уважением к закону. Что можно в свете этого сказать о том узаконенном беззаконии, когда организованное меньшинство, скажем шоферы-дальнобойщики, безнаказанно парализует нормальную жизнь целой страны, блокируя основные транспортные магистрали? Если труженики моря сжигают старинную ратушу (Ренн, 1994 г.), а пролетарии спускают в реку 3000 л серной кислоты (французские Арденны, 2000 г.) [Кудашкина] – разве можно это квалифицировать иначе как безнаказанный терроризм, сотрясающий основы цивилизации?

Над безумствами американского феминизма смеемся мы, но никак не сами американцы. Спросив американского коллегу, действительно ли мужчины в его стране стали бояться оказаться наедине с женщиной в лифте или офисе, получаешь заверения в том, что это именно так. Нам трудно представить себе, что в глазах цивилизованных людей ценность принципа презумпции невиновности может быть несравненно меньше озабоченности по поводу женской эмансипации. Однако, по всей видимости, они с этим согласились. А разве та же борьба с курением не перехлестнула давно заботу о здоровье некурящих, да и самих курящих, превратившись в типичную массовую истерию, сопровождающуюся грубейшими нарушениями прав человека и издевательством над здравым смыслом? Дошло до того, что в старой доброй Англии курящим теперь придется работать на полтора часа в неделю больше, правда, пока только в Восточном Лондоне. Принятие в Англии закона, разрешающего перлюстрацию электронной почты – оборотная сторона той же медали. Люди, которым стала слишком тяжела ответственность, готовы отказаться и от свободы.

Дж. Сорос, широко известный как финансист и филантроп и значительно меньше – как социальный мыслитель, ученик и соратник К. Поппера, рассматривает свою деятельность на финансовых рынках как практическое применение своей философии – философии критического рационализма [Сорос]. Этот выдающийся борец за идеалы открытого общества не устает повторять, что открытое общество страшно уязвимо в силу того, что не является общепринятой ценностью. Далеко не все из тех, кто пользуется его плодами, разделяют его идеалы или, тем более, последовательно придерживаются его принципов.

Манипуляция общественным мнением со стороны СМИ рассматривается Дж. Соросом как крайне опасное посягательство на принципы демократии. Эта манипуляция, более напоминающая не демократию, а диктатуру, заставляет задуматься: можно ли вообще рассматривать институты гражданского общества как надежную гарантию демократии? Есть очень весомые основания для сомнений в том, что это так. Множество фактов подтверждает прискорбную за-

висимость этих институтов от колебаний политического климата. Было бы реалистичней признать, что эффекты, вызванные восстанием масс, неизбежно ведут к деградации плюрализма в обществе, и даже самые почтенные его институты не могут служить эффективным препятствием для этих опасных тенденций. Привычка почивать на лаврах предков, мужественно боровшихся за воплощение тех принципов, в которые они верили, не может довести до добра даже самые цивилизованные страны.

Вероятно, самая серьезная опасность для гражданского общества – и она также была отмечена Соросом – в том, что подавляющее большинство жителей цивилизованных стран не считает его защиту своим гражданским долгом. Люди готовы защищать свои интересы, но не свои принципы. Наиболее очевидный результат этого прискорбного положения – не вызывающая никакого почтения терпимость в цивилизованных странах к тем нарушениям законности и порядка, которые являются проявлениями восстания масс (можно привлечь к ответственности трех хулиганов, но никак не три сотни, из чего последние и исходят в своих действиях). При этом отсутствие приверженности принципам правового государства преподносится широкой общественности как проявление терпимости, гуманизма и стремления к компромиссу. Разве так следует нести факел цивилизации тем, кто стремится вырвать из тьмы варварские народы?

«Лак цивилизации очень тонок» – с горечью констатировала М. Тэтчер. Цивилизация – это скорее процесс, чем результат, это порыв к идеалам, воплощающим те высокие принципы, которые лежат в ее основе и которые позволили достичь колоссальных успехов. Тех успехов, которые должны быть предметом законной гордости, но которые, увы, не являются таковыми. Именно отказ от эволюционного подхода, увлечение внеисторичным морализаторством лишают нас гордости за наши достижения, а вместе с ней – силы и мужества, с которыми мы должны идти навстречу новым вызовам истории.

Нынешний бунт против разума связан не только с глубоким кризисом рационализма, но и с глубокой структурной трансформацией мировой экономики, приводящей к резкому увеличению доли занятых на малых предприятиях. Широкие слои трудящихся теряют спокойную работу и обеспеченное будущее в крупных корпорациях и вынуждены самостоятельно или почти самостоятельно пускаться в трудное и опасное плавание по бурному морю мелкого бизнеса [*Байкер*]. Это создает серьезный психологический дискомфорт и толкает к абсолютно иррациональным действиям, которым подлинно народная власть всегда готова потакать. Впрочем, это ее дело. Нам же имеет смысл рассматривать положение на Западе сквозь призму его проблем, а не наших собственных, что было бы повторением именно той ошибки, которую постоянно делают на Западе в отношении России. Разумеется, становление постиндустриального общества, как и любая глубокая трансформация социальной структуры, не может не быть болезненной для значительных людских масс. Однако наше отечество, где среднемесячная зарплата едва достигает 50 долл., а состояние инфраструктуры таково, что из международного аэропорта Быково невозможно позвонить в Москву, страдает совсем другими болезнями и нуждается в совсем иных лекарствах.

Может ли страна быть бедной, но цивилизованной? Элементарный исторический оптимизм требует положительного ответа на этот вопрос. Финляндия, одна из беднейших стран Европы между двумя войнами, едва ли считалась вар-

варским государством и в те далекие времена. Из этого следует, что критерии цивилизованности могут быть только историческими, причем дифференцированными, а признание этого очевидного обстоятельства побуждает к применению исторической синхронизации. Если просвещенный Запад стремится к пониманию происходящих в России процессов, то ему не следует отказывать себе в напрашивающемся сравнении десятилетия Ельцина с периодом 1789–1799 гг. во Франции. В конце XX в. нам удалось обойтись без гильотины. Соответственно, и Путин, который был призван для наведения порядка после революции, стремится походить на Де Голля, коего и считает своим политическим идеалом, а не на Наполеона I. В любом случае его достижения еще далеко не таковы, чтобы создать искушение стать диктатором. Нам могут возразить, что мы должны разделять ценности европейской семьи народов, совершенно не склонной утруждать себя исторической синхронизацией, если хотим быть принятыми в нее. Но что мы потеряли в этой семье? Что мы в ней нашли?

Если демократически мыслящая Россия сформировалась в борьбе с СССР и приветствовала его крах как свою историческую победу, то европейские правые склонны видеть в России до предела ослабевший СССР. Европейские левые, в свою очередь, не могут нам простить предательства идеалов социализма и выбор либеральной модели развития экономики. Действительно, у нас есть существенно более важные и насущные задачи, чем служить подопытным кроликом для левых интеллектуалов – пусть лучше они ищут хорошую альтернативу капитализму в своих странах. При этом именно противоестественный союз правых и левых сделал возможной антироссийскую кампанию в СМИ такого накала, что она буквально превосходит все, что мы видели в брежневские времена.

Все было просто в период военного противостояния: Запад боялся СССР и относился к нему с превеликим почтением. Сейчас, кажется, все опять стало просто: после исторически очень краткого периода иллюзий относительно нового мирового порядка, основанного на дружбе и взаимном уважении, к России стали относиться как к ослабевшему СССР. Польша упорно не давала согласие на строительство газопровода, который должен был приносить ей 1 млрд долл. в год. Таким образом она защищала суверенное право Украины на воровство российского газа. Новое издание санитарного кордона, теперь уже вокруг демократической России? Разумеется, далеко не такой демократической, как хотелось бы нам самим, но не менее демократической, чем Украина. А нуждается ли сама Россия в том, чтобы ее признали членом европейской семьи?

С геополитической точки зрения Россия может рассматриваться не только как страна, но и как субконтинент. Мы можем делать упор на развитие либо сухопутных связей, стремясь к интеграции в Европе, либо океанических, стремясь к расширению сотрудничества с США и Японией. Европа постоянно балансирует между социализмом и либерализмом, но нам историческая судьба не оставила такого выбора. У нас нет эффективного государственного аппарата, а потому мы обречены самой логикой развития сводить к минимуму роль государства в экономике. Понятно, что американские консерваторы при нормальных условиях должны быть нам ближе, чем европейские социалисты. Однако даже безотносительно к политической конъюнктуре, европейцы всегда намного более склонны к социализму, нежели американцы. Очевидная истина состоит в том, что отношения между государствами должны строиться на основе здорового прагматизма. Увы, столь же очевидно, что они могут и в наше просвещен-

ное время определяться худшей из идеологий – идеологией масс, восставших против разума. Крайне опасно забывать об этом.

Наши собственные левоориентированные политики мечтают о треугольнике Москва–Пекин–Дели. Такой выбор внешнеполитических приоритетов предполагает совершенно определенный выбор и во внутренней политике. И то, и другое может иметь тяжелейшие долгосрочные последствия для судеб страны. Место России – в треугольнике США–ЕС–Япония, при этом нам вовсе не следует чрезмерно приближаться к одной из его вершин. Историческая задача России – интеграция не в Европе, а в цивилизованном мире.

Дело тут вовсе не в мании величия, а как раз наоборот – в осознании нашей слабости. Обе империи – российская и советская – с переменным успехом стремились компенсировать свою экономическую слабость с помощью военной силы. Россия не является империей и никогда ей не будет. Наша экономическая и политическая слабость обусловлена совершенно недостаточным развитием среднего класса, и это бедствие преследует нас веками. Кто не знает слова П.А. Столыпина: «Дайте нам двадцать лет внешнего и внутреннего спокойствия – и вы не узнаете Россию!»? Этих двадцати лет не хватило именно для формирования сильного среднего класса. Так ли много изменилось с тех пор? Наша экономическая катастрофа 1998 г. в значительной мере была результатом заговора компрадорской буржуазии и наиболее отсталой части пролетариата против нарождавшегося среднего класса, интересы которого выражало правительство С. Киреенко. И эта зловещая коалиция 1998 г. не может не напоминать ту, которая привела к убийству Столыпина в 1911 г.

Может ли Россия создать институты гражданского общества раньше, чем сформируется средний класс? Трудно надеяться на это. Нам потребуется еще много терпения, но не только нам, но и Западу, если он не стремится развернуть Россию на восток. То непонимание и нетерпение, с которым на Западе относятся к происходящим в России процессам, невольно наводит на аналогию с отношением к реформам Александра II весьма значительной (и далеко не худшей) части русского общества.

Сейчас, почти через два столетия после того, как Пушкин сказал, что единственный европеец в России – это правительство, мы вынуждены признать, что только власть – хорошая она или плохая – способна создать условия для формирования среднего класса. Если она этого не сделает – он не сформируется вообще, по крайней мере, на нашем веку. Просвещенное вмешательство Запада в наши внутренние дела с целью защиты гражданских, политических и социальных прав российских граждан было бы особенно желательно и необходимо именно в этот переходный период. При том, разумеется, условии, что оно будет продиктовано более высокими мотивами, нежели очевидные политические интересы.

Нелюбовь к исторической синхронизации прекрасно сочетается с примитивной линейной моделью развития, а, возможно, и порождена ею. Между тем очень трудно предположить, что все приобретенное в ходе исторического развития оказалось прекрасным и полезным, а все утраченное было ненужным или вредным. Известный французский философ А. Финкелькро пишет о серьезной опасности для современного общества, таящейся в замене вертикальных связей горизонтальными [*Le sens*]. Широчайшие народные массы, явно уставшие от ответственности, относятся враждебно ко всякому иерархическому порядку. Однако только

иерархия позволяет установить разумный баланс между правами и обязанностями. Как правило, традиции, оказавшиеся плодотворными в ходе исторического развития, обязаны своим существованием именно иерархическому порядку и не могут сохраняться без него.

Можно ли вообразить науку без иерархии? Если да, то в любом случае это будет какая-то другая наука, совершенно непохожая на ту, которую мы знаем. Ведь смирение перед истиной, необходимое качество любого ученого, уже само приводит к определенной иерархии в оценке научных достижений. Мы с удивлением обнаружили после падения железного занавеса, что наше отставание от Запада было в некоторых случаях нашим огромным преимуществом. Разумеется, речь не идет об отставании в уровне жизни или соблюдении гражданских прав. Однако наука, эта республика аристократии духа, извлекала огромные преимущества из того, что не была организована по образу и подобию рыночной экономики.

Наука, которой Дж. Сорос отводит роль цитадели критического мышления в современном обществе, неизбежно стала первой жертвой восстания масс. Если почтенные налогоплательщики полагают, что наука нужна лишь постольку, поскольку ее результаты полезны для общества, это вовсе не означает, что они правы: научная истина – это высшая ценность, такая же, как справедливость, добро, красота. Столь же далеки от истины налогоплательщики и в том случае, если они требуют такой организации научных исследований, эффективность которых будет им очевидна. Государственным деятелям следовало бы набраться духа объяснить этим почтенным людям, что наука была бы не нужна вовсе, если бы можно было обходиться здравым смыслом, что решения о формах организации фундаментальных исследований и о выборе приоритетных направлений должны приниматься на основе серьезного анализа истории науки, ее методологии. Мысль о том, что методы, доказавшие свою безусловную эффективность в организации материального производства, будут столь же эффективны при организации духовного производства, едва ли может быть нитью Ариадны в таком исключительно тонком и трудном деле, как научная политика.

Пора нам открыто заявить, что система финансирования научных исследований с помощью грантов, к которой у нас относятся с таким пиететом, не обеспечивает ни формирования научного сообщества, ни воспроизводства научных кадров, ни необходимой состязательности в исследовательской работе, а сама процедура их предоставления еще намного менее совершенна, чем традиционные защиты диссертаций и обсуждение статей в редколлегиях научных журналов. Эта система столь же чудовищно неадекватна сущности фундаментальных исследований, где не применимы финансовые критерии успеха, сколь централизованное планирование неадекватно современной экономике. Совершенно подобно тому, как компании борются за заказы, ученым предоставляется право бороться за гранты. Американские ученые, даже не занимающие руководящих должностей, фактически становятся коммивояжерами при своих темах и тратят на добывание грантов половину своего времени. Это по их собственным словам, на самом деле, скорее всего, еще больше.

Рассматриваемая проблема – вовсе не частность, а фундаментальная составляющая нашей культуры, с которой связано и будущее страны. Наше научное наследие – не только выдающиеся открытия, но и демократический дух российской

науки, всегда вызывавший восхищение зарубежных ученых. Некритически копируя западные образцы, причем вовсе не те, что действительно достойны подражания, мы отказываемся от поисков более эффективных решений, которые могли бы стать нашим собственным вкладом в развитие цивилизации.

Ничуть не меньшее значение, чем фундаментальная наука имеет для будущего страны и система образования – как среднего, так и высшего. Если говорить о всеобщем среднем образовании, то едва ли его успехи в стране с самой мощной в мире экономикой можно назвать впечатляющими – в США 15 % полностью или почти неграмотных (в Великобритании – 13 %). Учебный год в школах США продолжается всего 180 дней (в Японии все же 240). Ругая до хрипоты нашу собственную среднюю школу, мы все же не должны забывать о ее совершенно невообразимой нищете – едва ли мы сможем при таком финансировании иметь в масштабах страны что-нибудь существенно лучшее. Если же мы надеемся когда-нибудь выбраться из этой ужасающей нищеты и жить хоть и скромно, но с достоинством, нам необходимо глубоко призадуматься, подходит ли нам американский путь развития среднего образования.

США всегда покрывали провалы своей средней и высшей школы «импортом мозгов», и ничто не указывает на то, что они не сумеют делать этого впредь. Более того, страны просвещенной Европы все больше становятся на тот же путь. В совершенно ином положении Россия: нам необходимо готовить даже больше специалистов высокого класса, чем того требует развитие любезного отечества, чтобы покрывать их неизбежный отток в более богатые страны. Соответственно, и система образования – среднего и высшего – должна быть у нас построена совершенно иначе, нежели в богатых странах. В ведущих вузах России должно быть невозможно учиться за деньги, даже если за деньги можно будет туда поступить. Кадровый резерв для лучших вузов могут обеспечить только элитные школы, каковых в стране должны быть не единицы, а сотни. Отбор в них должен проводиться исходя из способностей и целеустремленности учеников, а не кредитоспособности их родителей. Прообразом подобных школ может служить физико-техническая школа при Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе РАН. Соответственно, скудные ресурсы государства надо расходовать не на переход к двенадцатилетнему образованию, мотивируя это ссылками на опыт цивилизованного мира, а на создание системы по-настоящему эффективных школ. Выпускники школ не потому ничего не знают, что учились мало, а потому, что учились плохо. Продление сроков обучения приведет не только к бессмысленной растрате огромных средств, но и к разложению молодежи, ибо безделье разлагает всегда.

Социальные последствия выбора такой стратегии будут болезненны для большинства населения страны, ибо он повлечет крайнюю неравномерность распределения средств в среднем и высшем образовании, а также формирование новой элиты, причем уже не на финансовой основе, а на интеллектуальной, что будет особенно обидно для широчайших народных масс. Очевидно, что хорошее образование допускает самоуправление учащихся лишь в той мере, в какой это не вредит учебному процессу. Совершенно не обязательно, чтобы школьники и студенты вставали, когда в аудиторию входит преподаватель, но абсолютно необходимо, чтобы они хорошо знали, зачем сами туда пришли. Если же прислушаться к тем деятелям народного просвещения, кои, ратуя за максимальные свободы для учеников, во всеуслышанье заявляют о ненужнос-

ти 70 % академических знаний [Тубельский], которых у наших школьников и так нет, но которые обязательно должны быть, то у страны не будет достойного будущего.

Мы все поклонники М. Вебера и не устаем рассуждать о роли протестантизма в становлении современного капитализма. О благородной духовной генеалогии западной цивилизации еще П.Я. Чаадаев сказал с почтением, что искали справедливости, а нашли благосостояние. Действительно, западная цивилизация возникла и возмужала благодаря великому принципу личной свободы, соединенной с личной ответственностью. Именно он выделяет человека из массы и именно с его укоренением в любезном отечестве мы связываем наши надежды на лучшее будущее. Но нелепо столетие за столетием продолжать держаться примитивной линейной модели развития цивилизации и считать, что наше дело – догнать пока не догоним, особо не разбираясь, в чем именно. Мы тоже готовы считать, что в ущербе здоровью от курения повинны производители сигарет, а в убийствах – производители оружия? Мы готовы завалить наши суды миллиардными исками алкоголиков к нашим ликерно-водочным заводам? Ведь на бутылках со спиртным и впрямь не написано, что его надо потреблять в меру. Нам было бы правильней признать за широчайшими народными массами цивилизованных стран их законное право на заблуждение, а самим не отделять свободу от ответственности.

То, что могут себе позволить богатые и стабильные страны Запада, не может позволить себе Россия. В наших условиях масштабные проявления восстания масс могут стать национальной катастрофой. За примерами не надо ходить далеко. Весной и летом 1998 г. рельсовая война шахтеров, добившихся от правительства оплаты чужих долгов и даже вообще не добытого угля, была одним из важнейших факторов экономической катастрофы 17 августа. Мягкое, в лучших европейских традициях отношение правительства к шахтерам обернулось тяжелейшим ударом для всего населения страны, а ведь можно представить себе реакцию на Западе, если бы сильное правительство решилось прогнать шахтеров с путей, а кое-кого и отдать под суд.

К сожалению, вторая чеченская война не могла не привести нас к печальному выводу, что западные политики и интеллектуалы нисколько не считают себя ответственными за последствия применения тех бесплатных советов, которые они дают России. Бесплатных для тех, кто их дает, но не для тех, кому достанет ума им следовать. Не будет большим преувеличением считать, что самые серьезные проблемы нашей страны, как правило, рассматриваются на Западе исходя из принципа: «Если мы не понимаем, что происходит в России – это проблема русских». Даже события в Косово и вокруг него не заставили народные массы цивилизованных стран и тех, кого они поставили во главе себя, усомниться в своем праве высокомерно поучать, а при надобности – и сурово наказывать другие народы, не беря на себя никакой ответственности.

На Западе, кажется, склонны считать, что нашли наконец ответ на вопрос «Who is Mr. Putin?». Нам самим едва ли следует спешить с выводами. Короля играет свита, а свита Путина достаточно разнородна. Мы видим в ней и многих реформаторов твердых демократических убеждений, и людей, чье мышление едва ли находится в русле идеалов западной демократии (впрочем, если мы говорим об идеалах, то никакой другой демократии просто нет). Эти последние вряд ли склонны рассматривать Запад в качестве стратегического союзника

России, а Запад не перестает снабжать их вескими аргументами для весьма серьезных сомнений на этот счет. Как правило, политический выбор большого исторического значения делается либо под влиянием долгосрочных экономических факторов, либо, по крайней мере, с их учетом. Изоляционистские тенденции, все более отчетливо проявляющиеся в нашем обществе, имеют своим экономическим фундаментом неконкурентоспособность двух третей нашей промышленности и почти всего сельского хозяйства. Другим серьезнейшим доводом наших влиятельных интеллектуалов, крайне враждебно относящихся к глобализации как таковой, является крах международного порядка, основанного на признании национального суверенитета.

Наши современные «западники» могут противопоставить этим опасным для будущего страны тенденциям только идеологию просвещенного патриотизма, основная идея которого – в необходимости заимствовать у Запада не те принципы, которые он исповедует сегодня, а те, благодаря которым он достиг своих выдающихся успехов, даже если сейчас он им стал изменять. Критика Запада нам совершенно необходима, но не в целях идеологической борьбы, а в целях поиска путей развития нашей страны. Эта критика может быть весьма нелюбезной, но она полезна и самому Западу, как полезна нам умная критика России. Главной социальной функцией науки, возможно, становится уже не поиск новых истин, а разоблачение лжи.

Литература

- Байкер А.* Обратная сторона «новой экономики» // Ведомости. 2000. 1 августа.
- Кудашкина Е.* Французский бунт: осмысленный, но беспощадный // Ведомости. 2000. 24 июля.
- Сорос Дж.* Сорос о Соросе: Опережая перемены / Пер. с англ. М.: Инфра-М, 1996.
- Тубельский А.* Билль о правах ученика // Московские новости. 2001. № 10. С. 19.
- Le sens de l'heritage, entretien avec Alain Finkielkraut* // Label France. 2000. № 38.